

Юбилей

Научная статья

УДК 78.071

DOI: 10.56620/2227-9997-2024-3-10-28

Загадка Елены Гнесиной

Дина Константиновна Кирнарская

Российская академия музыки имени Гнесиных, Москва, Россия,
d.kirnarskaya@gnesin-academy.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-1059-5776>

Аннотация: Статья приурочена к 150-летию со дня рождения Елены Гнесиной, основательницы нескольких учебных заведений (трех музыкальных школ, трех колледжей и Российской академии музыки имени Гнесиных), воплощающих систему эффективной подготовки музыкантов. Принимая во внимание судьбу Елены Гнесиной и современную ей бурную и трагическую эпоху, нелегко представить, как потомок большой еврейской семьи мог вырасти в столь влиятельную личность, идеи которой лежат в основе современного профессионального музыкального образования.

В статье представлено краткое изложение особого таланта Елены Гнесиной — сочетания музыкального, педагогического и организаторского дара, не имеющего себе равных. Автор дает ответ на очевидную загадку личности Елены Гнесиной: как она могла быть одновременно выдающейся пианисткой, педагогом-новатором и великим топ-менеджером, который делал невозможное возможным. «Гнесинский комбинат» под ее личным руководством пережил почти столетие исторических потрясений в России от последнего царя до 1970-х годов и стал авторитетным учебным заведением наряду с прославленной Московской консерваторией.

Ключевые слова: Елена Гнесина, Российская академия музыки имени Гнесиных, музыкальное образование, образовательное учреждение, топ-менеджер

Для цитирования: Кирнарская Д. К. Загадка Елены Гнесиной // Ученые записки Российской академии музыки имени Гнесиных. 2024. № 3. С. 10–28. DOI: 10.56620/2227-9997-2024-3-10-28

Anniversary

Original article

Elena Gnesin's enigma

Dina K. Kirnarskaya

*Gnesin Russian Academy of Music, Moscow, Russia,
d.kirnarskaya@gnesin-academy.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1059-5776>*

Abstract: The article is timed to the 150th anniversary of the birth of Elena Gnesina, the founder of several educational institutions (three music schools, three colleges and Gnesin Russian Academy of Music), embodying the system of effective training of musicians. Considering the circumstances of her life and times it's not easy to imagine how the offspring of a big Jewish family could grow into such an influential personality: her ideas are still alive and lie in the basis of professional music education.

The paper is a short summary of Elena Gnesin's special talent that had been a combination of musical, pedagogical and organizational gift next to none. The author is giving an answer to obvious enigma of Elena Gnesin's biography: how could she be at the same time an outstanding pianist, an innovative teacher and impressively great top manager who made impossible things possible. Her educational company under her personal guidance lived through almost a century of historical turbulence in Russia from the last tsar to 1970-s and could remain an authoritative institution near the renowned Moscow Conservatory.

Keywords: Elena Gnesina, Gnesin Russian Academy of Music, music education, educational institution, top manager

For citation: *Kirnarskaya D. K. Elena Gnesin's enigma. Scholarly papers of Gnesin Russian Academy of Music. 2024;(3):10-28. (In Russ.). DOI: 10.56620/2227-9997-2024-3-10-28*

Имя Елены Гнесиной хорошо известно в музыкальном мире; иные готовы утверждать, что и за пределами музыкального мира оно знакомо многим. Одна из лучших выпускниц Московской консерватории Елена Гнесина — это прекрасная пианистка, педагог-новатор, автор эффективной системы подготовки музыкантов под кодовым названием «школа-училище-вуз», а главное — создатель и руководитель крупной гнесинской корпорации или, как она сама ее называла, «гнесинского комбината» из нескольких учебных заведений. В свете этих эксклюзивных достижений совершенно неудивительно, что ее 150-летний юбилей отмечает вся Россия, и президент страны назвал нынешний юбилейный год «годом Гнесиной» [1, 1].

Фигура и личность Елены Фабиановны Гнесиной поражала всех, кому посчастливилось работать с ней вместе, быть ее соратником, учеником или

90-летие Елены Гнесиной,
концертный зал института,
8 июня 1964 год

Elena Gnesina's 90th
birthday, concert hall of
the Institute, June 8, 1964

просто свидетелем ее гигантской деятельности. Юрий Муромцев, многолетний директор Гнесинского института и ученик Елены Фабиановны, удивлялся многосторонности ее таланта — она «и швец, и жнец, и на дуде игрец». И как же уживались в одном человеке художественный дар артиста-музыканта, мудрость и методический талант педагога и вдобавок могучий темперамент, настойчивость, особая интуиция и ум руководителя, сумевшего создать гнесинский комбинат и, как корабль, провести его сквозь рифы и мели в условиях непрерывного шторма от Николая II до Леонида Брежнева? В самом деле, как?

Загадку Елены Гнесиной пытались разрешить все, кто знал Елену Фабиановну: Арам Хачатурян, выдающийся композитор и верный гнесинец, удивлялся тому, что груз создания гнесинской корпорации Елена Гнесина вынесла на своих плечах чуть ли не в одиночку — помощь коллег и соратников она же сама и организовывала, никто не пришел и не включился в дело по мановению волшебной палочки... [2, 70]. Артист и чтец Дмитрий Журавлёв, знавший Елену Фабиановну очень бегло, несмотря на краткость знакомства, отметил ее титаническую энергию, которая буквально била через край и ни для кого не оставалась незамеченной [2, 172].

Резче многих вопрос-загадку о сущности таланта Елены Гнесиной поставил выдающийся дирижер и убежденный гнесинец Евгений Светланов. Он писал: «Трудно передать словами то чувство, которое возникает всякий раз, когда я вспоминаю Елену Фабиановну. Трудно, потому что всё, что ни скажешь о ней — все будет казаться мало, да и не совсем то, что хотелось бы сказать. Это тот случай, когда слова, даже самые яркие и весомые, оказываются бледными и недостаточно выразительными» [2, 154]. Вероятно, Евгений Светланов имеет в виду тот неуловимый синтез многих талантов, и не только талантов, но и связанных (или не связанных) с ними качеств личности, характера, вос-

питания и убеждений, что породили уникальный феномен в истории отечественной культуры — Елену Фабиановну Гнесину. И сколько ни рассуждать, пытаясь разгадать ее тайну, возможно лишь приблизиться к разгадке, лишь подойти на некоторое расстояние к тому комплексу причин, объективных и субъективных, рациональных и иррациональных, что позволили скромной дочери ростовского банковского служащего Фабиана Гнесина стать личностью национального или даже мирового масштаба и войти в историю музыкального образования в качестве крупной фигуры, чье значение можно смело сопоставить с новаторской ролью братьев Рубинштейнов, основателей двух российских консерваторий.

ЕЛЕНА ФОРТЕПЬЯНОВНА

Столь удачное и меткое отчество, созвучное Фабиановне, но очень содержательное, придумал денщик, встречающий гостей в доме певицы А. Книппер, матери жены Антона Павловича Чехова, — юная Елена Гнесина выступала с ней в концертах и приходила к ним домой на репетиции. Этот простодушный представитель «глубинного народа» именно так отрекомендовал посетительницу, что, мол, пришла Елена Фортепяновна [2, 184]. Так это прозвище за ней и осталось.

И в самом деле «фортепяновна»! Замечательная пианистка, которая аккомпанировала лучшим певцам страны — Леониду Собинову и Павлу Хохлову, любимцу музыкальной Москвы и первому Онегину в опере Чайковского. Лучшая ученица легендарного пианиста и композитора Ферруччо Бузони, который преподавал в Московской консерватории всего год, но был так впечатлен талантом Елены, что прочил ей блестящую сольную карьеру концертующей пианистки и брался посодействовать, чем сможет, если она примет решение последовать его совету [3, 37]. Талантом Елены Гнесиной, пианистки и музыканта, восхищался брат Петра Ильича Чайковского Модест, его либреттист и почитатель: молодая выпускница Московской консерватории утешала пожилого и нездорового Модеста Ильича блистательным исполнением с листа и мгновенной аранжировкой для рояля симфонических сочинений любимого брата [3, 46–47]. Только музыканты поймут, какой гигантской профессиональной хваткой и скоростью мышления нужно обладать, чтобы совершать подобные подвиги!

Умелая эксплуатация музыкального таланта могла бы легко привести умницу и трудоголика Елену Гнесину к большому успеху, и она могла бы прожить относительно легкую жизнь обеспеченной артистки. К тому же в дополнение к дару музыканта Елена Фабиановна обладала большим талантом педагога-воспитателя. Она буквально совершила революцию в методике преподавания игры на инструменте, поставив во главу угла начальное музыкальное образование для самых маленьких. Начало — всему голова, от первых месяцев

Дом в Гагаринском переулке, первое здание училища Гнесиных

House in Gagarinsky Lane, the first building of the Gnesin School

и первых лет обучения зависит дальнейший успех. Тише едешь — дальше будешь: методика Елены Гнесиной обеспечила прочный фундамент образования будущего музыканта, принципы которого можно было бы сформулировать просто и понятно для каждого педагога и учащегося.

Во-первых, не торопиться и не переходить к следующему, пока крепко не освоено предыдущее, чего бы это ни касалось — развития техники, развития голоса и слуха и всего, что входит в профессиональный комплекс музыканта. Во-вторых, не долбить и не вколачивать, засыпая над сухими упражнениями и гаммами: с первых месяцев играть то, что интересно, образно, живо и согласуется с опытом ребенка. В-третьих, опираться на слух и память, а не на моторику руки и пальцев — помнить и сознавать все музыкальные события должна голова, а не руки. И, наконец, непременно подключить то, что развивает не столько инструменталиста, сколько музыканта в широком смысле слова: сольфеджио, музыкальная грамота, история музыки и хор входят в его образование на каждом этапе обучения и не подлежат сокращению или тем более исключению [3, 105–110].

При всей простоте и очевидности педагогических идей Елены Фабиановны на рубеже XIX–XX веков, когда сестры Гнесины во главе с Еленой открыли свое частное музыкальное училище, они не были столь очевидны и распространены в повсеместной практике. Их внедряли в гнесинской школе с самого ее рождения, с того самого памятного дня 15 февраля 1895 года, когда к Елене Фабиановне пришла ее первая ученица. Свои идеи сестры Гнесины внедряли творчески, развивая и дополняя, конкретизируя по отношению к каждому ученику, и дело пошло, училище стало очень быстро набирать популярность.

С 1920 года, когда в результате небывалых перемен в жизни страны частное училище сестер Гнесиных вынужденно превратилось в государственный музыкальный техникум, их методика пошла вперед семимильными шагами, поскольку в ходе культурной революции, предпринятой советской властью, стране нужны были не столько отдельные крупные таланты, коих по определению крайне немного, но легион музыкантов «среднего звена» — учительниц

музыки, оркестрантов, хористов и прочих рядовых служителей муз. Опираясь на методические принципы гнесинской школы, предложившей новую трехступенчатую структуру подготовки артистов «школа-училище-вуз», молодое Советское государство сохранило ценнейший багаж Российской империи в деле воспитания музыкантов, традиции двух первых консерваторий, и даже всемерно упрочило и расширило музыкальное наследие прошлого. Гнесинская школа сыграла в этом процессе свою немалую роль¹.

Так почему же одаренная пианистка и педагог Елена Гнесина отринула так естественно расстилавшийся перед ней путь широко востребованной артистки и профессора игры на фортепиано и выбрала куда более трудный и тернистый путь госпожи директора собственного музыкального училища? Очевидно, что избранная ею жизненная дорога была сопряжена со многими рисками, издержками и проблемами, которые она с ее многими дарованиями могла бы избежать... Эта загадка из числа многих, заданных жизнью и карьерой Елены Гнесиной, наиболее разрешима.

От судьбы не уйдешь: ее пожинаяют, посеяв характер, а характер Елены Гнесиной был заряжен на большую общественную деятельность. В отличие от многих людей, желающих счастья и успеха лишь самим себе и самым близким, она желала разделить свою любовь к музыке с целой нацией, со всем обществом, со всяким и каждым, кто захочет ближе познакомиться с музыкальным искусством и стать его преданным поклонником. А для этого нужно было распространить педагогические идеи как можно шире, привлечь к ним огромное число последователей и соратников, чтобы, вдохновившись ими, люди принялись обучать музыке не только тех, кто обещал стать большим профессионалом, но и тех, кто был бы скромным рядовым музыкального фронта, а также тех, кто был бы просто любителем, посещающим концерты и испытывающим радость от близости высокому искусству.

Для осуществления музыкально-демократического идеала Елены Гнесиной, воплощения ее негласного девиза «музыка для всех» нужно было, во-первых, показать эффективность открытых ею педагогических принципов, превращенных теперь в стройную систему, и, во-вторых, поставить на поток, как ни кощунственно это звучит, подготовку квалифицированных музыкантов. Без фундамента в виде музыкальных школ сделать музыкальную культуру всеобщим достоянием было бы никак невозможно, и гнесинское училище с первых лет посвятило себя образованию и воспитанию умелых учительниц музыки, не забывая при этом об исключительных талантах, таких как Арам Хачатурян или Евгений Светланов. Такие «бриллианты» изредка встречались на преподавательской дороге сестер Гнесиных, и были они как шпиль, венчающий большую архитектурную постройку — заметная и нужная деталь, не заменяющая, однако, все здание...

Большому кораблю большое плаванье! Жизненной задачей Елены Гнесиной, которая спустила ее с музыкального Олимпа на грешную землю и по-

¹ Подробнее см.: [4, 78–79].

жертвовала личным покоем и благополучием ради реализации своей миссии, стало широчайшее распространение музыкального искусства. И не это ли происходит со всеми, кого после их ухода вспоминает благодарное человечество? Так Елена Гнесина исполнила завет премудрого Сократа «познай себя»! Ее призванием было разделить свою любовь к музыке с другими, превратив ее из элитарного увлечения образованного сословия в украшение досуга миллионов людей.

ТАЛАНТ ДРУЖБЫ

Построение большой музыкальной корпорации, целого комбината, посвященного музыкальному образованию, требовало особого таланта, присущего топ-менеджеру, а именно таланта убеждать людей и вызывать их любовь и преданность. Не зря знаток темы Дейл Карнеги издал своеобразное руководство под симптоматичным названием «Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей». Этим искусством Елена Фабиановна Гнесина владела в совершенстве, формируя вокруг себя огромный круг поклонников и доброжелателей. Каждый, от маститого профессора до скромного ученика, мог бы засвидетельствовать, что Елена Фабиановна была законченным альтруистом, жизненной задачей которого было только процветание ее учебных заведений. А для этого нужно было обеспечить помощь и поддержку делу со стороны любого, кого она встречала на жизненном пути.

Елене Гнесиной было легко привлекать к себе всеобщую симпатию, поскольку она сама была ее воплощением, любя ближних как самое себя. Нет такого гнесинца, взрослого или юного, которому она бы не помогла, которого бы не поддержала, которому бы не посодействовала. Для многих и многих дражайшая Елена Фабиановна была как маяк, указавший верный путь на волнах житейского моря; лишенная какого-либо педагогического эгоизма, она отказалась от талантливейшего пианиста Генечки Рождественского и отправила его учиться дирижированию [2, 147]; как отважный защитник и покровитель, она устроила на работу в Большой театр Евгения Светланова, старательно затушевывая его политические «ляпы» [2, 230–231]; как прозорливая ясновидящая, она приняла в свое училище Арама Хачатуряна, несмотря на его великовозрастную неумелость и, заметив в нем талант композитора, направила его в класс своего брата, опытного воспитателя музыкантов-творцов Михаила Гнесина [2, 75].

Талантом «музыкального Нострадамуса» отнюдь не исчерпывается доброта и заботливость Елены Фабиановны. Каждую ученицу, пришедшую навестить ее, она неизменно встречала вопросом: «Ну как твои дела? Какие у тебя проблемы, как помочь?» И это не был пустой звук: добрейшая Елена Фабиановна при всяком случае хваталась за телефонную трубку, дабы добраться до какого-нибудь начальника и добиться улучшения условий жизни ее бывших или нынешних питомцев. Тому дать место в общежитии, этому выписать дополни-

тельную стипендию, того устроить на бесплатные обеды в ближнюю арбатскую столовую, эту освободить по слабости здоровья от лесоповала в военные годы, а того и вовсе выволить из действующей армии — как Бориса Чайковского или Андрея Эшпая по причине необходимости отечественной культуре.

Нет частной проблемы или личной нужды, в которой Елена Гнесина не приняла бы участия, воистину она была «матерью Еленой» для каждого, кто обращался к ней с самомалейшей просьбой, да и без просьб она без числа одаривала неимущих студенток посудой, едой и чулками, без границ и пределов подкармливала и поддерживала деньгами студентов всех возрастов — ее кошелек, отнюдь не солидный, во всякое время был открыт для нуждающихся, уж такова была ее натура! При этом для нее не существовало различий между выпускниками-гнесинцами, кем бы они впоследствии не стали, и скромнейшей Жене Брудной², концертмейстеру рабочего клуба она радовалась не меньше, чем выдающемуся пианисту Льву Оборину: демократические убеждения Елены Гнесиной были флагманом ее поведения, и всякий гнесинец был ценен для нее своей преданностью музыкальному делу, а не масштабом дарования...

Вполне естественно, что, будучи эталоном сердечной доброты и уважения к людям, Елена Фабиановна вызывала живейшее участие со стороны ближних и дальних, и не было никого, кто не жаждал бы в ответ на такое человеческое и участливое отношение ответить тем же, быть полезным, помочь и поддержать ее. Видя бескорыстие Елены Фабиановны и зная об успехах ее новаторской музыкальной школы, друг юности Анатолий Луначарский, а ныне нарком просвещения, выписал ей столь необходимые во время гражданской войны дрова в обход обычных норм и правил [3, 84]; помня о постоянных знаках внимания, милых подарках и добром отношении Леночки Гнесиной, ее консерваторский друг Сергей Рахманинов не мог не отправить ей большую продуктовую посылку, которая в голодные годы была для педагогов-гнесинцев сродни манне небесной [3, 151–152].

Видя, что директор гнесинской корпорации Елена Гнесина никогда ни о чем не просит для себя и очень умело ведет дела, ее всемерно поддерживали советские вожди, такие как Клим Ворошилов, чья помощь при строительстве гнесинских зданий была поистине судьбоносной. И столь же важным оказалось сочувствие гнесинскому делу со стороны молодого тогда большого советского хозяйственника Алексея Косыгина — без его поддержки строительство гнесинского института не двинулось бы с места.

Советские начальники, совершенно бесспорно, тоже были людьми, в чем нисколько не сомневалась Елена Фабиановна; она никогда не лебезила перед ними, не унижалась и не кланчила, но при этом была неизменно уважительна и не скрывала своей человеческой к ним симпатии, видя, как они «горят на работе» и как нелегко им порой приходится. Елена Гнесина была своеобразным

² Евгения Михайловна Брудная — ученица Елены Фабиановны Гнесиной, пианистка, работала концертмейстером в клубах самодеятельности и Доме культуры им. В. П. Чкалова [2, 223].

Королева Бельгии Елизавета, Елена и Ольга Гнесины, 1962 год

Queen Elizabeth of Belgium, Elena and Olga Gnesin, 1962

осколком старой гвардии, частью «уходящей природы» чеховских интеллигентов, принципиальных бесребренников и радетелей за народное дело³; люди этой породы во все времена вызывали уважение, и начальственная помощь изливалась на них чуть ли не по формуле Михаила Булгакова «сами предложат и сами дадут». Конечно, и госпоже Гнесиной приходилось обивать пороги, писать письма и ходатайства без счета, напоминать о нуждах своих учебных заведений, а порой и настаивать и требовать, но ее поведенческий кодекс чести, предписывающий никогда не терять чувство собственного достоинства и не забывать, что перед ней за начальственным столом сидит не злобный

истукан, а живой человек, быть может, не лишенный недостатков, как все мы, грешные, — эта гуманная установка всегда срабатывала и заставляла принимать решение в пользу ее учебных заведений, ну не для себя же она так беспокоится и так терпеливо добивается своего!

Елена Фабиановна Гнесина благодаря достижениям своих учебных заведений и их растущему авторитету была важной ВИП-персоной, ее авторитет к концу ее большой жизни превратился едва ли не в пиекет и благоговейное почтение. С ней жаждали встретиться другие ВИП-персоны, и не только из музыкального мира, например, королева Бельгии Елизавета или космонавт Юрий Гагарин. А о музыкантах и говорить нечего: во время первых гастролей театра Ла Скала в Москве звезда вокала Мирелла Френи с коллегами явилась к пожилой Елене Фабиановне с заверениями полнейшего уважения, а «музыкальный родственник» Елены Гнесиной пианист Ван Клиберн, с педагогом которого, Розиной Левиной, Елена Фабиановна училась в консерватории, стал для нее и вовсе любимым «Ванечкой» [3, 172], до конца жизни хранившим память о бесценном подарке «Элен Фабиан» — фотографии Сергея Рахманинова с дарственной надписью. Характерно, что о встрече с «Ванечкой» мы узнаем из воспоминаний Светланы Сербиновой, скромной гнесинской выпускницы [2, 203–204]. Светлана была горячей поклонницей Вана Клиберна, и Елена Фабиановна не отказала ей в просьбе поприсутствовать на встрече с ним. Какое-либо высокомерие было начисто чуждо Елене Гнесиной, она всегда шла навстречу людям, если к тому была малейшая возможность...

³ Подробнее см.: [4, 326–329].

Елена Гнесина, Зиновий Финкельштейн и выпускники десятилетки, 1957 год
Yelena Gnesina, Zinovy Finkelstein and ten-year school leavers, 1957

Талант дружбы можно считать одним из ключей к разгадке успехов Елены Гнесиной. Ее главным капиталом были люди и их горячая к ней симпатия, не исключая и непосредственных соратников и друзей, которых она сумела разглядеть и дать им дорогу к большой карьере. Юрий Муромцев, директор гнесинского института, Зиновий Финкельштейн, директор гнесинской школы-десятилетки для одаренных детей, Елена Давыдова, директор гнесинской школы-семилетки — все они были ее «маршалами», людьми, на которых она могла по-настоящему положиться. А почему? Все потому же: ее внимание к ним, к их нуждам и желаниям было поистине беспредельно.

Достаточно вспомнить такую мелочь, как переданные ею сухари и карамельки Зиновию Финкельштейну, в полученной им записке Елена Фабиановна сообщала, что эти сухари — единственное, что у нее сейчас имеется, и она хотела хоть как-то этой мелочью облегчить ему ночное дежурство в только что построенном здании гнесинского института [2, 111].

Начиная с шарфиков и мешочков, пошитых для Скрябина и Рахманинова, друзей ее юности, и заканчивая постоянной заботой о здоровье и благополучии своих соратников — ничто в глазах Елены Гнесиной не считалось незначительной деталью, никакой знак внимания не полагала она излишним, если это касалось симпатичных ей людей. О более важных предметах не стоит и говорить! Старания и хлопоты Елены Фабиановны, когда Елене Давыдовой понадобилась медицинская помощь, были беспрецедентны — вся врачебная Москва была поставлена на ноги, чтобы обеспечить самую лучшую хирургию и самый лучший уход [2, 52]. И в большом и в малом соратники Елены Гнесиной могли рассчитывать на нее, неудивительно, что эта дружба была действительно преданной и взаимной; Елена Гнесина, не зная и не ведая о том, была лучшей ученицей Дейла Карнеги — ее талант завоевывать друзей и оказывать влияние на людей граничил с гениальностью!

ЧУВСТВО МОМЕНТА

Вождь и вдохновитель большевистского переворота, как сказали бы одни, или Великой Октябрьской социалистической революции, как сказали бы другие, но, бесспорно, выдающийся политик и руководитель Владимир Ленин поделился лайфхаком, без которого не обойдется ни один менеджер, а тем более основатель большой корпорации. Он сказал: «Вчера было рано, а завтра будет поздно». Воистину для всякого деяния есть наилучший и наихудший момент, когда это деяние совершенно необходимо или, напротив, совершенно невозможно осуществить. Во всяком большом проекте руководителю необходимо магическое чувство, отчасти основанное на трезвом расчете и квалифицированной аналитике, но отчасти и на интуиции, о которой никто бы не сказал, на чем конкретно она основана: то ли на опыте, то ли на прогностических способностях неизвестного происхождения, а то ли и вовсе на никому непонятной мистике. Как бы то ни было, так же как талантом дружбы, Елена Фабиановна Гнесина была в избытке наделена чувством момента: несчетное число раз в своей карьере, касалось ли это строительства ее учебных заведений, касалось ли это самого их существования или же бытовых условий учебы и работы, то есть материй куда менее значимых, — в любом случае госпожа директор всегда знала, когда надо действовать, а когда не надо, когда необходимо рвануть на себе рубаху и ринуться на приступ того или иного бастиона, а когда залечь на дно и затаиться.

Заветной мечтой Елены Фабиановны было превращение ее детища в полноценный трехступенчатый «комбинат»: музыкальная школа, являвшаяся его фундаментом, а вернее, обе школы, семилетка и десятилетка для одаренных детей; училище, вступившее на дорогу музыкального образования первым; и, наконец, институт, высшее учебное заведение имени Гнесиных. Наивно было бы думать, что сестра-консерватория zalъется слезами умиления от таких, с позволения сказать, амбиций гнесинского техникума. Хватит с них и того, что им разрешено готовить музыкантскую смену для поступления в *alma mater* — студенты-гнесинцы всегда успешно поступали в консерваторию с самого основания гнесинского училища, и зачем им что-то большее?

При такой диспозиции вокруг институтского проекта нужно было действовать с величайшей осторожностью, что премудрая Елена Фабиановна и сделала: сначала вбросила бесспорную идею о строительстве нового здания училища — и кто бы с этим спорил, училище и в самом деле заслуженное! Архитектор А. Тишин создал проект несколько более помпезный, чем было бы нужно, но это в конце концов вкусовщина — кому более помпезный, а кому недостаточно торжественный, поди разберись. Чиновники и не стали разбираться, а намерение создать институт на базе училища, то ли вместо него, то ли в дополнение к нему, а то ли в порядке преобразования одного в другое — это смутное намерение так или иначе материализовалось: уже в 1937 году новое здание заложили [5, 42], первый камень кого надо обнадежил, а кого надо насторожил.

А. В. Тишин. Проект здания техникума имени Гнесиных
 A. V. Tishin. Building project of Gnesin Technical School

Но тут разразилась война. «Ах, все пошло прахом, до музыки ли тут», — запричитали бы дамы в кружевах. Но не из таких была Елена Фабиановна, которая сделала ход конем. Именно так: вчера было рано, а завтра будет поздно. Срочно домой, в Москву, поближе к центрам принятия решений, от которых коллеги-консерваторцы оказались волею судеб весьма далеки. Их директор Александр Гольденвейзер, враг институтского проекта, играл в шахматы в Тбилиси и ни о каком гнесинском институте не помышлял [3, 162]. В начале 1942 года глубокой зимой пожилая Елена Фабиановна вернулась в родной техникум [5, 44]. И изо всех сил «наехала» на начальство: вот, посмотрите, мы одни остались работать, посылаем студентов на заготовку дров, формируем из них концертные бригады для фронта, работаем не покладая рук в буквальном смысле, все руки в занозах и царапинах... Работаем и думаем о будущем, о судьбе нашей культуры, о наших будущих лауреатах, которых кто-то же должен учить, и учить на высшем уровне. И врагам надо показать, насколько страна Советов уверена в грядущей победе. А настолько, что открывает новые вузы, и в их числе музыкально-педагогический институт имени Гнесиных.

Сказано — сделано! Тут-то и сказались прошлые разговоры да намеки о преобразовании гнесинского училища в институт. Даже вышло такое постановление, пока не выяснилось, что речь идет не о преобразовании, а открытии нового института, училище же остается его подготовительной ступенью. Ну хорошо, до того ли было чиновникам, чтобы в разгар войны, хоть и на фоне уже забрезжившей победы, судить да рядить, откуда вдруг взялся институт, да в каких он отношениях с прежним техникумом или училищем. А тут и консерваторское начальство сменилось, и вместо врага Гольденвейзера появился друг Шебалин, прекрасный композитор и новый директор консерватории. Тем лучше! И Елена Гнесина нанесла главный удар: было решено с сентября 1944 года открыть музыкально-педагогический институт имени Гнесиных [5, 69]. Ура! Ее личная гигантская победа была завоевана прежде государственной...

Трудно представить, что бы было с проектом, если бы Елена Гнесина своим волевым решением не прервала казанскую эвакуацию и не свалилась как снег на голову московским начальникам. Что было бы, если бы она не обрати-

лась за помощью к самому В. М. Молотову, второму человеку в государстве, который дал добро, не стал спорить с теми, кто высоко несет знамя советской культуры... [3, 190]. Не было бы счастья, да несчастье помогло: во время войны для подобных демаршей сложились оптимальные условия. Не прояви госпожа Гнесина максимальную решимость, так бы все и затянулось, завязло и покрылось плесенью: приехали бы консерваторцы, кончилась война — и дело могло бы затухнуть и заглухнуть. Но нет, чувство момента, максимально подготовленное прежними аналогичными чувствами, сыграло на руку Елене Фабиановне и ее гнесинскому дому, который наконец приобрел желаемые очертания.

Что ж, ударить сплеча — это прекрасно! В очередной раз сработало. А теперь, уже после судьбоносного решения, нужно не бить и резать, а канючить, ныть, напоминать — теперь нужна будничная работа, волокита, которую необходимо обернуть в свою пользу. И что ж делать, если новому институту негде жить, куда девать студентов, и новых институтских, и старых училищных, да и школа тут же, ее тоже некуда девать... Так и допросились до нового здания, благо, оно уже было заложено, только достроить надо было и не дать авиаторам [2, 110] и судостроителям [3, 144], которые наложили было лапу на лакомый кусочек в центре Москвы — не дать им превратить их незаконную мечту в действительность. Нет уж, нам обещали, для нас строили — достраивайте! Так оно и вышло: в 1946 году первая очередь здания института была сдана [5, 72]. А там потянулась и вторая очередь через четыре года, а за нею уже и большой концертный зал [3, 197] — прямо-таки бабка за дедку, дедка за репку... Елена Фабиановна знала: нужен первый и главный шаг — открытие института, остальное же вопрос настойчивости и терпения. Бывают ситуации, когда начальству некуда деваться, и это была именно она...

С разницей в двадцать лет, в начале тридцатых и в начале пятидесятых, Елена Фабиановна столкнулась с другим испытанием ее мудрости и чувства момента. В обоих случаях эстетическая, а вернее, антиэстетическая суть происходящего была у всех на виду. Полуграмотные Шариковы и Швондеры, называемые теперь пролеткультовцами или ревнителями чистоты пролетарской культуры, сорвались с цепи и возжелали покуролесить. Вызвала подозрения директор училища товарищ Гнесина, не скрывающая любовь к Сергею Рахманинову: революционные песни казались им куда более достойной музыкой, нежели Бахи и Шопены, советская власть поддержала пролетарскую интуицию очередных энтузиастов, и Елену Гнесину уволили с поста директора ее же училища или, как он тогда назывался, «государственного музыкального техникума» [5, 40]. Правда, уже через год одумались и вновь возвели Елену Гнесину в директорское достоинство. Пролеткультовский раж остался позади, а гнесинский техникум праздновал победу в еще одном дарованном им здании рядом с прежним: теперь гнесинцы владели еще и домом Хомякова по адресу Собачья площадка, 7 [5, 41]. Стоило ради этого годик поволноваться, прибавить несколько седых волос и переж-

Интерьер зала училища на Собачьей площадке

The interior of the school's hall at Dogpatch

дать... Главное, что Елена Фабиановна не стала ни скандалить, ни доказывать свою правоту с пеной у рта, а тихо перешла на скромную должность преподавателя своего же училища — и дождалась своего часа. Воистину незаурядное чувство момента!

Нечто похожее, но еще более опасное, случилось в начале пятидесятых на волне борьбы с космополитизмом: мало того, что руководители гнесинского дома, теперь уже полноценного, с включением двух школ, училища и института, были не самой желательной национальности, так они еще достаточно прохладно, без всякого энтузиазма отнеслись к Постановлению ЦК ВКП(б) 1948 года «Об опере “Великая дружба” В. Мурадели», шельмующему композиторов формалистического, антинародного направления — коллег Гнесиных Прокофьева, Шостаковича, Мясковского и проворонившего их смотрящего от Союза композиторов Хачатуряна. Бдительности не проявили, за партией не пошли, смысл Постановления не поняли. И мало этого, еще и возражать посмели: юный студент Светланов и старый профессор Гнесин отказались считать композиторов-формалистов отщепенцами, а напротив, открыто объявили их гениями, что в 1949 году было неслыханной наглостью. Что ж, пожинайте плоды, дорогие гнесинцы... Руководителя товарища Елену Гнесину долой, ее заместителя и директора института Юрия Муромцева забираем в Министерство культуры и бросаем на театры, а Михаила Гнесина с руководства кафедрой композиции снимаем. Благодарите, что на его место берем товарища Хачатуряна, его же ученика. Да, и Елизавету Гнесину, скрипачку и верную соратницу своей сестры Елены, тоже увольняем [3, 32–33].

Погром и разгром, как и в прошлый раз, оказался недолгим, но в отличие от событий двадцатилетней давности этот погром был крайне разрушительным. Сразу же вслед за товарищем Сталиным, в конце апреля 1953 года, от-

правила в мир иной Елизавета Гнесина, оставив безутешными сестер Елену и Ольгу. Брат Михаил стал прихварывать, прежних сил не осталось и в помине, и через несколько лет и он оставил грешную землю на попечение своей сестры. Однако пушкинское предзнаменование вновь оказалось пророческим: «оковы тяжкие падут, темницы рухнут, и свобода вас примет радостно у входа, и братья меч вам отдадут». И снова отдали. И вновь, как и в прошлый раз, Елена Гнесина как в воду глядела: тихо, без паники, без истерик пережила очередную опалу — и вновь выиграла! Художественное руководство вернули, Юрия Муромцева отпустили на прежнее место, и гнесинская корпорация понеслась в будущее на всех парах, набирая обороты. Только успевай считать приобретения: дом на Знаменке для школы-десятилетки, дом Шуваловой для школы-семилетки, общежитие на ВДНХ для студентов-гнесинцев, кооперативный дом «Гнесинец» для педагогов и под самый конец славной жизни матери-основателя гнесинского дома высотное здание гнесинского училища. Все здесь же, на Арбате, чтобы далеко не ездить...

Слов по поводу этих побед, конечно же, не хватает. Только трам-тарарам! Ура победителю, виват Елене Фабиановне! Слава редчайшему аналитику, умнейшему человеку, который знает, когда в ходу слово-серебро, а когда молчание-золото. Все по Библии: когда время разбрасывать камни, а когда собирать, когда время войны, а когда время мира, когда время обнимать, а когда удаляться от объятий, и от каких именно. Что и когда нужно делать, где наилучший момент для действия и наилучший для бездействия — понимать и чувствовать это может только великий руководитель, своего рода Наполеон или Цезарь, но не в большой политике, а в политике малой. Здесь цель — не создание империи, а создание музыкальной корпорации, средство — не война с неприятелем, а война с чиновниками и недругами, а друзья — не страны-союзники и преданная армия, а единомышленники и соратники, убежденные в правоте общего дела.

НУЛЕВАЯ ВЕРОЯТНОСТЬ

Совершенно верно: разговоры о многочисленных талантах Елены Гнесиной и о самом главном из них таланте руководителя подобны притче о халве: сколько ни толкуй, а во рту слаще не станет. Разве что научная психология несколько рассеяла туман, неизменно окружающий тему таланта и одаренности, когда многолетний исследователь гениальности Дин Симонтон выдал неутешительный прогноз: если у госпожи N имеется одна из необходимых способностей, скажем, выворотность стопы у балерины, вероятность того, что госпожа N при этом еще будет обладать необходимой стройностью, невзирая на любовь к пирожкам, — эта вероятность обладания двумя необходимыми способностями, то есть второй вместе с первой, падает в десять раз. А уж если сюда присовокупить выразительность движения и жеста, то вероятность это-

го третьего свойства по сравнению с первыми двумя падает еще на порядок. А музыкальность? Все-таки балет не спорт... То есть нужна еще и четвертая способность, и это лишь на взгляд стороннего зрителя. Профессионалы же насчитают еще многое-многое другое. Стало быть, не будем удивляться, что прима-балерина как класс — явление редчайшее, и станем куда сильнее аплодировать Светлане Захаровой и Диане Вишневой.

Столь же редок и талант артиста-музыканта, а тем более солиста. Этим талантом, по свидетельству многих, обладала в числе прочего Елена Фабиановна Гнесина. Уже одно это дарование включает в себя энное количество некоррелирующих, то есть независимых друг от друга способностей: тут и слух, и музыкальная память, и строение руки, и специфическое трудолюбие — не трудолюбие вообще, а по отношению лишь к этой конкретной деятельности, то есть музыкантская выносливость и терпение, музыкантское слышание идеала и настойчивость в стремлении к нему. Да плюс сценическая харизма, артистическое обаяние, особая уверенность в себе, не дающая артисту робеть в присутствии огромного зала — даже у великого Шопена эта сценическая способность прихрамывала, так что уж говорить о простых смертных... А у Елены Фабиановны все эти данные были. Да разве только они...

Выдающийся педагог предполагает особые качества, порой не связанные с конкретным профессиональным талантом. Не случайно нам известны многие выдающиеся исполнители, которые не прославились на ниве преподавания. И что более удивительно, известен целый ряд выдающихся педагогов, в том числе и в музыке, которые отнюдь не блистали на концертной эстраде. Среди них и пианист Лев Наумов, и скрипач Юрий Янкелевич, и многие-многие прочие, более или менее знаменитые. Способности, необходимые выдающемуся педагогу, можно долго перечислять, не забывая о падении на порядок вероятности сосуществования каждого нового фактора по отношению к названным ранее. Здесь и аналитическое видение навыков, которые необходимо воспитать у каждого ученика, и психологическая интуиция, позволяющая разглядеть наилучшее направление его развития, и умение приспособиться к индивидуальности учащегося, воспитывая одни и те же навыки у одного ученика таким методом, а у другого эдаким. Здесь и методическая изобретательность и одновременно системность, позволяющая применять различные варианты стратегически разработанной методики в зависимости от конкретных условий. Наконец, здесь и поведенческая гибкость, психологическая чуткость, позволяющая воздействовать на разных учащихся разными психолого-педагогическими инструментами, формируя их мотивацию. Нет, невозможно перечислить всю совокупность сложнейших способностей, составляющих комплекс выдающегося преподавателя. Таких педагогов ведь тоже днем с огнем не сыщешь, и по той же самой причине: вероятность сочетания в одном человеке изрядного числа разных способностей, необходимых для проявления одного крупного таланта, — эта вероятность настолько низка, что стано-

ЮБИЛЕЙ

Елена Гнесина, 1930-е годы

Elena Gnesina, 1930s

вятся такими талантами буквально единицы. И среди них вновь Елена Фабиановна Гнесина, незаурядный воспитатель высококвалифицированных музыкантов.

Наконец, о таланте руководителя вообще говорить невозможно. Остается ограничиться многозначительным молчанием, вспоминая создателей крупных брендов, таких как Стив Джобс, Билл Гейтс, Джефф Безос — и это только американцы последнего поколения. А ведь есть еще и европейцы — одних итальянских автомобильных инженеров и дизайнеров, таких как Феррари и Ламборджини, можно назвать несколько, или французских модельеров, таких как Кристиан Диор или Ив Сен-Лоран. Но это все единицы, буквально считанные экземпляры человеческой породы, а ведь многие из них были лишь выда-

ющимися менеджерами и никем более, в то время как их квалификация в деле, которым они руководили, была по сути не выше среднего, то есть просто очень хорошей и, главное, достаточной. Но даже при этом число создателей корпораций и брендов можно по пальцам пересчитать. Так что же говорить о таком суперуникальном человеке, как Елена Гнесина, создателе крупной музыкально-образовательной корпорации имени Гнесиных? Ее таланты буквально не поддаются описанию! Музыкант, педагог, руководитель — и все, особенно последнее, на самом высоком мыслимом уровне⁴.

Загадка Елены Гнесиной — это загадка всей психологической науки, которая до сих пор не может внятно расшифровать ключевое понятие изучаемого объекта, психологическая наука пока не дала ясное определение Личности. Что же это за неуловимый синтез самых разнообразных качеств, их ансамбль, их особое созвучие, где на фоне остальных прекрасных свойств ведет свою мелодию то главное из них, которое и определяет Личность? И какую роль при этом играют «аккомпанирующие» свойства? Пожалуй, здесь можно действовать лишь методом описания, первичным методом всякой науки, пытаясь ухватить важнейшие для каждой Личности черты, такие как музыкальный и педагогический талант Елены Гнесиной и ее фантастический дар руководителя и визионера, которого бы не было без ее таланта

⁴ Подробнее см.: [4, 278–287].

дружбы и ситуационной аналитики, называемой «чувством момента». Нам, ее поклонникам и потомкам, остается лишь восхищаться этим грандиозным человеком, делая очень робкие попытки «поверить алгеброй» гармонию этой удивительной Личности.

Лучше Маргариты Риттих, многолетней коллеги и соратницы Елены Фабиановны, никто о ней не сказал: «Елена Фабиановна Гнесина была человеком большого, ясного, трезвого ума. Благородного, щедрого и нежного сердца. Яркого, кипучего темперамента. Натурой деятельной и активной. При этом она обладала редкой стойкостью и мужеством. Это был характер масштабный. Это была личность, и личность выдающаяся» [2, 32].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации «О праздновании 150-летия со дня рождения Е. Ф. Гнесиной» №388 20 июня 2022 года. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206200013> (дата обращения: 15.06.2024).
2. Елена Фабиановна Гнесина. Воспоминания современников / второе изд. перераб. и доп. — Москва: Практика, 2003. — 363 с.
3. Гнесина Е. Ф. «Я привыкла долго жить...». Воспоминания, статьи, письма, выступления / сост. В. В. Тропп. — Москва: Композитор, 2008. — 348 с.
4. Кирнарская Д. К. Елена Гнесина. Портрет руководителя на фоне эпохи. Документальный роман: монография. — Москва: Российская академия музыки имени Гнесиных, 2023. — 360 с.
5. Гнесинский Дом. История учебных заведений / сост. Е. П. Костина, В. В. Тропп. — Москва, 2015. — 704 с.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Д. К. Кирнарская — доктор искусствоведения, профессор, проректор по связям с общественностью Российской академии музыки имени Гнесиных, заведующая кафедрой истории музыки, почетный работник сферы образования РФ.

REFERENCES

1. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii "O prazdnovanii 150-letiya so dnya rozhdeniya E. F. Gnesinoj" №388 20 iyunya 2022 goda [Russian President's Decree "On the celebration of 150-th anniversary of Elena Gnesina" No. 388 June 20, 2022]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206200013> (accessed: 15.06.2024).
2. Elena Fabianovna Gnesina. Vospominaniya sovremennikov [Elena Gnesina. Memories of colleagues and friends] / Vtoroe izd. pererab. i dop. Moscow: Praktika, 2003. 363 p.
3. Gnesina E. F. "Ya privy'kla dolgo zhit'...". Vospominaniya, stat'i, pis'ma, vy'stupleniya [Elena Gnesina "I am in the habit of living long..." Memories, papers, letters and speeches] / V. V. Tropp (sostavlenie). Moscow: Kompozitor, 2008. 348 p.
4. Kirnarskaya D. K. Elena Gnesina. Portret rukovoditelya na fone e`pohi. Dokumental'ny`j roman: monografiya. [Elena Gnesina: Leader and her Times. Documentary Novel]. Moscow: Rossijskaya akademiya muzyki imeni Gnesiny`h, 2023. 360 p.
5. Gnesinskij Dom. Istoriya uchebny`h zavedenij [Gnesins' House. History of educational institutions] / sost. E. P. Kostina, V. V. Tropp. Moscow, 2015. 704 p.

ЮБИЛЕЙ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

Dina K. Kirnarskaya — Dr.Sci. (Arts), Professor, Vice-Rector for Public Relations at Gnesin Russian Academy of Music, Head of the Music History Department, Honorary Education Worker of the Russian Federation.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

---

1. ММКЕлФГ, фонд 8, инв. № Ф-389
2. ММКЕлФГ, фонд 25, инв. № И-1065
3. ММКЕлФГ, фонд 8, инв. № Ф-334
4. ММКЕлФГ, фонд 8, инв. № Ф-502
5. ММКЕлФГ, фонд 25, инв. № И-1202
6. ММКЕлФГ, фонд 25, инв. № И-1095
7. ММКЕлФГ, фонд 8, инв. № Ф-236

Поступила в редакцию / Received: 10.04.2024

Одобрена после рецензирования / Revised: 15.05.2024

Принята к публикации / Accepted: 29.05.2024